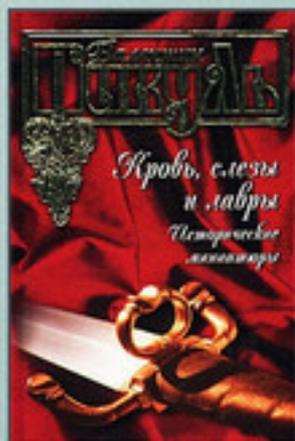

Валентин Пикуль

Каламбур Николаевич

*Часть сборника
Кровь, слезы и лавры.
Исторические миниатюры*

Кровь, слезы и лавры

Валентин Пикуль

Каламбур Николаевич

«ВЕЧЕ»

Пикуль В. С.

Каламбур Николаевич / В. С. Пикуль — «ВЕЧЕ», — (Кровь, слезы и лавры)

«В последней монографии о военной галерее героев 1812 года помещен любопытный список. В нем перечислены генералы, портреты которых должны украшать галерею нашей славы, но по каким-то причинам они в нее не попали...»

Валентин Пикуль Каламбур Николаевич

В последней монографии о военной галерее героев 1812 года помещен любопытный список. В нем перечислены генералы, портреты которых должны украшать галерею нашей славы, но по каким-то причинам они в нее не попали. Среди них значится и князь Сергей Николаевич Долгорукий (1770–1829), которого в тогдaшнем русском обществе прозвали «Каламбур Николаевич», ибо этот человек обладал жальщим остроумием. К сожалению, я не могу донести до читателя едкую соль его сарказмов, ибо они рождались благодаря блистательному владению французским языком и были понятны современникам, знавшим этот язык во всех тонкостях...

1811 год застал героя в Италии, спешащим в Неаполь.

Была поздняя осень. Рим встретил дипломата сухой и жаркой погодой, а за княжеством Понтекорво хлынули мутные дожди. Карета въехала в пределы Неаполитанского королевства – во владения маршала Мюрата; от французских патрулей на дорогах князь узнал, что недавно опять пробудился от спячки Везувий, выбросив в небеса тучи гари и пепла.

– А потому и дожди текут грязнее помоев. Вы, посол, будьте осторожнее: дороги до Неаполя небезопасны... Мало мы перевешали карбонариев! Они теперь озверели и убивают каждого, кто не способен выговорить дикое слово *чече*.

Конечно, освоить фонетику итальянского языка победители были не в силах. Вечер застал князя на постоялом дворе, хозяин украсил стол, на котором его ожидал ужин, двумя жиденькими свечками. Наверное, не без умысла он выставил перед ним миску с горохом.

– Ваши лошади, синьор, слишком устали. Сейчас вы ляжете отдыхать, а завтра к вечеру достигнете и Неаполя...

Могучий, как молотобоец, князь сел на лавку, и она со скрипом прогнулась под ним.

– Я буду в Неаполе завтра утром, – сказал он.

– Воля ваша! Но у нас по ночам никто не ездит, если не желает умереть без святого причастия... Попробуйте, синьор, наше блюдо! – И хозяин придвинул князю миску с горохом.

– Благодарю. Как это называется по-итальянски?

– *Чече*.

Долгорукий со вкусом повторил это слово, чему хозяин страшно обрадовался:

– О! Так вы, синьор, не француз! Вы, наверное, из Вены? Или... поляк?

– Я еду из Петербурга... Русский.

Итальянец выразил ему свою симпатию:

– У нас тут много всяких слухов, говорят, Наполеону мало страданий Европы, скоро он начнет войну и с вами.

После ужина Каламбур Николаевич велел запрягать лошадей в карету; прислуга заметила, как небрежно он бросил поверх дивана футляр с дорожными пистолетами. Кожаные ремни, заменявшие рессоры, мягко и плавно укачивали, и князь Долгорукий крепко спал, когда со звоном вылетели из окон стекла, двери кареты распахнулись с двух сторон одновременно. В грудь посла России уперлись дула четырех пистолетов сразу. Слабый свет ночника, горевшего в углу кареты, осветил из мрака глаза, блестящие в прорезях масок:

– Если ты не враг, так скажи слово «чече», и тогда твоя жизнь, как и твой кошелек, останутся в целости.

Долгорукий не потерял хладнокровия:

– В русском языке, как и в вашем, сколько угодно подобных звучаний. Что там ваше «чече»? Вот вам: чечевица, человек, чудовище, чучело... Вы приняли меня за француза, придворного короля Мюрата? Вот, – показал князь на закрытый футляр с пистолетами, – как

видите, я полагался в дороге не на силу оружия, а лишь на благородство патриотов-карбонариев. Да и чего мне, русскому, бояться в Италии, которой Россия никогда не причиняла никакого вреда!

Пистолеты мигом исчезли, маски были сдернуты, обнажив худые, небритые лица карбонариев, которых газеты Европы именовали бандитами. Долгорукий выбрался из кареты, к нему подошел главарь шайки – босой калабриец, галантным жестом приподнявший перед послем простреленную пулями шляпу:

– Мы рады приветствовать русского друга... Для одинокого путника найдется и угощение.

– Я не против! – согласился Долгорукий и поинтересовался: – Ради чего вы рискуете, зная, что скорее всего примете смерть на эшафоте?

Калабриец сказал, что итальянцам опротивело видеть, как Наполеон, словно портняжка, по собственным выкройкам раскромсал Италию на куски, создавая новые княжества и королевства для своих ближайших родственников и маршалов.

– Даже распутных сестер он сделал владычицами над нами. Имена Каролины Мюрат, Элизы Баччиокки и Полины Боргезе, надеюсь, говорят вам о многом... Наполеону достаточно нахмурить брови в Париже – и его братцы с сестрами сразу пополнят редющую армию Франции за счет несчастных итальянцев. Мюрат в Неаполе уже провел рекрутский набор для своего зятя, который, если верны слухи, собирается напасть на Россию. Будем же молить пречистую мадонну, чтобы этот злодей, забравшись в русские леса, превратился от холода в звонкую сосульку!

Близился кризис, о котором писал Пушкин: «...гроза двенадцатого года еще спала. Еще Наполеон не испытал великого народа – еще грозил и колебался он...»

Пришло время сказать, что именно каламбуры и стали виной тому, что карьера Долгорукому не удалась. Каламбура Николаевича вместе с его опасным красноречием старались держать подальше от двора и столицы. Его посылали в Вену для финансового арбитража, потом долго томили в Гааге, где, кстати, от его остроумия немало пострадала блудливая Гортензия Богарнэ, падчерица Наполеона, силком выданная за короля Людовика Бонапарта, брата того же Наполеона...

Людовик откровенно жаловался Долгорукому:

– Сначала брат навязал мне гадину-жену, потом – голландскую корону, а я хочу одного – писать романы. Желая дружбы с Россией, я решил поставить в Саардаме памятник Петру Великому; мой проект в Петербурге одобрили, но брат запретил мне ставить памятник. Возомнивший о себе столь много, он безжалостно грабит моих бедных голландцев ради пополнения арсеналов для новых губительных войн... Боюсь, что вся наша семейка в один прекрасный день окажется на виселице!

Вражда с братом и разлад с женою вынудили Людовика отречься от короны и бежать от мести брата, после чего Наполеон приобщил Голландию к своим владениям, а Каламбур Николаевич остался без службы. Но, как тогда говорили, «если не служить, так лучше не родиться». Долгорукого вызвал в Петербург российский канцлер Николай Петрович Румянцев:

– Мы отзываем из Неаполя поверенного Константина Бенкендорфа, а вам, князь, предстоит поспешить в Неаполь... Именно поспешить, ибо нам стало известно, что Меттерних из Вены внезапно назначил посланником в Неаполь графа Миера.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.